

УДК 94 (571. 16): 003

Д.Г. Савинов

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ НАДПИСЕЙ – ЭПИТАФИЙ

Раннесредневековые рунические надписи – эпитафии – являются важнейшим источником для всестороннего изучения истории и культуры древнетюркского общества. Немаловажное значение в этом плане имеют данные палеоэтнографического характера, еще недостаточно привлекавшие к себе внимание исследователей. Впервые дается системный анализ этих сведений, распределенных на три семантических блока: 1. Биография и прижизненная деятельность героя; 2. Реалии и ценности окружающего мира; 3. Темы «перехода» и знаковые обозначения культуры. Делается вывод о том, что приведенные сведения наиболее адекватно отражают жизненный цикл и особенности культуры племен древнетюркских этносоциальных объединений.

Ключевые слова: древнетюркское время, культура, общество, погребения, геройские подвиги, эпитафии.

Один из наиболее устойчивых мифов, сложившихся в литературе – «о необузданной жестокости и дикости кочевников» [1. С. 50], – в значительной степени подсказан сведениями письменных источников, авторы которых (не важно, к какой письменной традиции они принадлежали – греко-римской, китайской или древнерусской) так или иначе отражают точку зрения «заинтересованной» стороны, подвергшейся нападению со стороны этих самых кочевников, и поэтому она вряд ли может считаться достаточно объективной. В определенной степени на этих свидетельствах базируется современная теория «культуры войны» со всеми ее отрицательными характеристиками [2. С. 56–58], влияние которой ощущается и на некоторых весьма серьезных историко-археологических исследованиях.

Конечно, умалять или вообще отрицать значение войны (набега, захвата) в жизни кочевнических обществ было бы неверным или, по меньшей мере, опрометчивым. Однако и чрезмерное увлечение этой стороной культуры кочевников представляется несколько односторонним. Ведь «за спинами» передовых военных подразделений кочевников, сотрясавших основы земледельческих цивилизаций, лежал свой, совершенно особый этнографический мир, в значительно меньшей степени или только в самом обобщенном виде освещенный сведениями письменных источников. Для более адекватного проникновения в этот мир первостепенное значение имеет анализ памятников письменности, в которых кочевники писали «сами о себе», соотнесенных с соответствующими археологическими и этнографическими материалами.

В этнокультурной истории кочевнических обществ Центральной Азии и Южной Сибири такая

возможность предоставляется только один раз – это древнетюркские рунические надписи – эпитафии, удивительные по своей лаконичности и выразительности тексты, являющиеся не только своеобразными летописями истории древнетюркских каганатов, но и важнейшим источником для изучения культуры раннесредневековых кочевнических обществ. В этом качестве они уже рассматривались С.Г. Кляшторным с точки зрения содержащихся в них мифологических и эпических сюжетов; представлений древних тюрков о пространстве и времени; реконструкции древнетюркской религии и образа кагана в орхонских памятниках; общего значения рунических надписей для изучения этнокультурной истории государственных объединений. Опубликованные в виде отдельных статей в научных изданиях разных лет, эти работы наиболее полно сведены в двух авторских сборниках: С.Г. Кляшторный «История Центральной Азии и памятники рунического письма» [3] и С.Г. Кляшторный «Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии» [4].

Данная работа написана в русле направления, заложенного С.Г. Кляшторным, но касается в первую очередь анализа традиционной (палеоэтнографической), а не социально ранжированной (династийной) культуры кочевников. Само понятие «раннесредневековые кочевники» трактуется нами достаточно широко, включая не только древних тюрков и уйгуров, но и енисейских кыргызов, в эпитафийных надписях которых традиционная, а не событийная? канва этнокультурной истории выражена более развернуто и определено.

Использованные нами тексты и отрывки рунических надписей даны в переводах С.Е. Малова [5, 6, 7], С.Г. Кляшторного [3, 4, 8], И.А. Батманова и

А.Ч. Кунаа [9], Д.Д. Васильева [10, 11] и др. При этом специальные лексические различия, имеющиеся в переводах отдельных авторов, нами не учитывались. Основным объектом внимания и цитирования является тот или иной сюжет, если он имеет отношение к поставленной цели как таковой.

Количество таких сюжетов, переходящих из одной надписи в другую, чем в целом обеспечивается их канонический характер, оказывается не столь многочисленным. По своему содержанию, учитывая эпитафийный, т.е. также определенным образом ориентированный, характер надписей, их можно разделить на три семантических блока. При этом в каждом из блоков выделяются несколько отдельных взаимосвязанных тем. 1. Биография и прижизненная деятельность героя. 2. Реалии и ценности окружающего мира. 3. Темы «перехода» и знаковые обозначения культуры. Как правило, в каждой из надписей приводится ряд дополнительных деталей, весьма обогащающих стереотипный характер изложения. В целом, «прочитанные» подобным образом, они достаточно подробно отражают жизненный путь «идеального» тюркского воина от рождения до смерти и – в более общих чертах – окружавшую его действительность.

Биография и прижизненная деятельность героя. Почти во всех надписях содержатся биографические сведения; поэтому они могут рассматриваться не только как эпитафии, но и как исповеди людей, от имени которых были написаны. В «больших» надписях тюркских каганов, имевших государственное значение, эти сведения имеют характер летописи. В «малых» надписях, в первую очередь енисейских, биографические данные, естественно, скромнее, но для данного лица не менее значимы. «Десять лун она носила (меня) моя мать»; или – «Мой старший брат был взят в плен» и др. Во многих из них констатируется знатность происхождения героя: «Я, Кюль Тириг, в три года остался без отца. Мой старший брат, знаменитый тутук, сделал меня человеком (воспитал меня)»; «Сын Байне, полководца, я остался без отца»; «Я родился от потомка хана»; «Мой отец – бег народа» и др. Обращает на себя внимание, что в ряде случаев говорится не только о знатном происхождении, но и ранней потере отца юного героя, что, вероятно, довольно часто имело место в то драматическое время (достаточно вспомнить аналогичную историю с детством Темучина, будущего Чингиз-хана).

Вместе с тем наряду с наследуемыми признаками знатности, не меньшее значение имели и приобретенные, социально значимые факты био-

графии героя. При этом часто указывается имя, социальное положение (титул), прижизненные деяния, время и обстоятельства его гибели. Например: «В девять лет я стал служить бунчужному хану»; «Я – знаменитый тегин»: «... Будучи тутуком государства» и т.д. Такой своеобразный «паспорт» придает каждому памятнику рунической письменности, несмотря на принятые стереотипы изложения, индивидуальный характер.

Основным лейтмотивом жизненной деятельности героя в большинстве, если не в каждой, надписей-эпитафий является тема воинской доблести. В надписях постоянно отмечаются «геройская доблесть», «геройское имя», «моя геройская доблесть и мои геройские доспехи» и т.п. В чем же состояла эта «геройская доблесть»? Ответ дается совершенно определенный: «Из моего государства я пять раз ходил в походы ради моей геройской доблести»; «Я воевал с внешним врагом побеждая»; «Моему героическому государству моя польза: девять героев я умертвил». Наивысшее приобретение и мера общественной значимости: «Я утвердился на земле благодаря моей доблести».

Иногда указывается число убитых врагов, «сила» которых, судя по контексту надписей, являлась приобретением не только воина, но и самого «государства»: «Девять героев», «пятнадцать воинов», «тридцать мужей», «семьдесят героев» (но не более). В ряде случаев убитые «герои» прямо ассоциируются с термином «балбал», что уже неоднократно привлекало к себе внимание исследователей. Наиболее известные сентенции: «Их героев-мужей он поставил балбалами»; «шесть моих геройских балбалов»; «Их витязей убив ... приготовил себе балбалов». В одной из уйбатских надписей фигурируют девять убитых врагов и их сыновья, которых «следуя друг за другом (т.е. как цепочка камней-балбалов – Д.С.) умерший установил «доблестному моему (т.е. «своему» – Д.С.) начальнику».

Приведенные указания позволяют относиться с доверием к сведениям китайских источников об установке камней, названных в рунических текстах «балбалами», по числу убитых врагов, хотя количество их явно преувеличено (в китайском тексте Таншу «до ста и даже до тысячи») [12. С. 230]. Другое дело, что (по С.Г. Кляшторному) эти камни (точнее – заключенная в них сила) могли служить жертвоприношениями (или дарами) умершему знатному лицу. Это же отмечают Ибн-Фадлан относительно деревянных изображений убитых врагов у тюрков-огузов: «Вот его отроки, которые будут служить ему в раю»; и Марко Поло

у монголов, которые, убивая всех встречных при похоронах великих ханов, говорят: «Иди на тот свет служить нашему государю» (цит. по: 13. С. 69–70).

Реалии и ценности окружающего мира. Во многих текстах упоминаются сподвижники (военная дружина?) героя эпитафии, в количестве, как правило, ста или пятидесяти человек: «Сто моих героев-сподвижников»; «... сто моих геройских товарищей» и т.д. Говорится о том, что «я погубил свою воинскую доблесть ... я погубил свои сокровища и пятьдесят своих воинов». Трудно сказать, насколько эти данные соответствуют реальному составу древнетюркских воинских формирований, но если они близки к действительности, то, очевидно, здесь речь идет не о крупных военных кампаниях, а эпизодических набегах с целью захвата добычи, необходимой для поддержания своего социального статуса и содержания дружины (типа знаменитых туркменских аламанов).

С темой военных походов и «геройской доблести» связаны описания захваченной добычи (или «даров»): «... дары... блестящее серебро, дары... дары»; «добытое оружие и (защитная) одежда, мое блестящее золото, ковры... казна, мои одежды-снаряжение»; «вы снимали – сгружали верблюжьих вьюки (с дарами)». Рассказывается о том, что «он (народ) принес желтое золото, белое серебро, женщин и драгоценные попоны и (другие) сокровища в большом количестве (букв. – без границ)». В последнем случае говорится о принесении дани от завоеванных Тоньюкуком согдийцев в районе Темир-Капыга («Железных ворот»). Очевидно, такого рода ценности регулярно поступали в распоряжение и собственность кочевников, что соответствует понятию экзополитарного государства, по Н.Н. Крадину [14. С. 183–184], но вряд ли могли служить основой экономики.

В качестве других прижизненных приобретений, определяющих высокий социальный статус кочевника, первое место занимали пояс и знамя: «Я тутук алого знамени...»; «Красивое алое знамя государства; я привязал свой золотой пояс (колчан) у поясницы...»; «Пояс с пятьюдесятью пряжками (букв. – пятьдесят золотых поясов) я повязал на своей пояснице»; «Моя геройская доблесть. Мой пояс с сорока (чиновными) пряжками-украшениями»; «Моя геройская доблесть (или: я герой среди героев). У меня сорок две пряжки (или: знаков отличия в виде подвесок на поясе)»; «Пояс с золотыми подвесками я повязал на своей пояснице». Неоднократное упоминание пояса со специально выделенными украшениями как знака социального (воинского) отличия указывает на

реальный характер этой этнографической детали. Хотелось бы верить, что это те самые поясные наборы с позолоченными бляхами-оправами и подвесными украшениями, которые были найдены в Курае, Туэкте и других наиболее богатых погребениях Саяно-Алтая [15. С. 76–80]. Однако никакой уверенности в этом нет: такого количества поясов или связанных с ними украшений ни в одном из погребений не найдено.

Сюжеты собственно этнографического содержания в древнетюркских рунических надписях-эпитафиях явно уступают теме героических подвигов и драгоценных даров, хотя по своему значению, как единственные в своем роде, оказываются не менее значимыми. Так, в целом четко определяется скотоводческая направленность хозяйства древних тюрков, но не в виде постоянного кочевания (номадизма), как об этом сообщают китайские источники – «переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде» [12. С. 229], а в виде регулярной системы отгона с вертикальными маршрутами кочевания. По свидетельству рунических надписей, летние пастбища находились в горах: «Я – Яргун-зверь! Я поднимаюсь на свои летовки в горах. И там я провожу лето!». А зимние пастбища, соответственно, располагались в межгорных котловинах, как это до сих пор практикуется у скотоводов Саяно-Алтайского нагорья. Количество скота, находившегося в распоряжении одной семьи, судя по всему, было неограниченным: «Находящийся на земле, отмеченный клеймом (тамгой) скот был без числа»; а места стоянок менялись согласно животному календарю: «Я, старший брат, Оз Инчу Кирги (из рода с такой тамгой) имел (здесь) стоянку в год мыши».

Особенно выделяется коневодческая культура раннесредневековых кочевников. В одной из тувинских надписей говорится о том, что «я сам ездил на шестидесяти лошадях» (т. е. меня постоянно верховых лошадей), как это делается в коневодческих обществах и в настоящее время. Традиционные для древнетюркской археологии захоронения с конем (двумя, даже тремя конями) являются лучшим подтверждением этого указания источника. При этом, несомненно, выделялись кони так называемого собственного седла. Так, в памятнике Кули-Чура упоминаются «собственная серая лошадь» и «собственная гнедая лошадь». Сохранились имена некоторых особо выдающихся боевых коней: «Шалый» – надпись на псалии из впускного погребения в кургане Аржан-1; Отзыс – «Безумец» – имя одного из любимых (белых) коней Кюль-Тегина.

Вместе с тем имеются все основания считать, что скотоводческое хозяйство раннесредневековых кочевников носило комплексный характер. При этом в зависимости от географических условий, соотношение доли скотоводства и других подсобных занятий в палеоэкономике могло меняться. Конечно, существовало подсобное земледелие. В тувинских надписях упоминаются «моя пашня», «мое поле ... поле». В некоторых текстах говорится об облавной охоте у древних тюрков («Войско хана вышло на охоту. В облаву попали косули... Все войско радовалось»). Известно, что вплоть до позднего Средневековья облавные охоты у кочевников по своей стратегии и тактике являлись своеобразной репетицией реальных военных действий [16]. Имеются и определенные указания о добыче полезных ископаемых, упоминаемых в одном ряду с другими наиболее значимыми культурными ценностями («В государстве мои копи (шахты, рудники), мои ковры, мой дом... четыре тысячи моих лошадей»). Из китайских источников известно, что древние тюрки особенно славились изготовлением железных изделий (предметов вооружения?).

Из явлений материальной культуры, тесно связанных со скотоводческим укладом жизни, можно привести подробное, даже восторженное описание юрты в Гадательной книжке уйгуров: «Что за юрта (получилась). Хороша внутри! Что за верх у нее! До чего (хороша) рама дверного проема! До чего красиво кольцо дымового отверстия! Что за веревки ее (обвязывают)!». И о том же, но как о печальном событии: «Большая (княжеская) юрта сгорела. Ее войлочное (покрытие) сгорело без остатка. Ее ограда сгорела без остатка!». Это явно наблюдаемое явление – действительно такая опасность всегда существовала при степном образе жизни.

В то же время существовали военные (фортификационные?) сооружения – «Его геройская доблесть. Вал (крепость, лагерь, укрепление)... Мое геройское имя – Багыр... Сто богатырей». Помимо всего прочего, данная надпись интересна еще и тем, что связана с археологическим комплексом, уже раскопанным [17] и благодаря надписи с упоминанием имени Багыр – персонифицированным. Вероятно, существовали и наземные каркасные (дворцовые?) постройки («Я отделился от моей княжны в тереме»; «Моя княжна в тереме сделала тул»).

Наиболее сложно судить о составе семьи, поскольку об этом имеются только косвенные свидетельства. В числе ближайших родственников, которых «покинул» покойный называются жена (она

же княжна или княгиня), мать, сыновья, старшие и младшие братья, старшая сестра, зятя и невестки. Поскольку в различном сочетании они чаще всего перечисляются вместе, вероятнее всего, речь идет о большой неразделенной (патриархальной) семье, вообще характерной для кочевнических обществ. Как предмет особой гордости отмечается рождение и воспитание сыновей («Я сумел вырастить трех моих сыновей»).

Весь этот мир – и традиционный, и динамичный – при жизни кочевника был «привязан» к определенным сакральным центрам, судя по данным рунических памятников – скалам или горам: «Сокровенная скала – мой дом»; «Вам – белая скала, родина, друг (желаю) доброй поры». С этим согласуется обычай наносить на скалы рунические надписи, иногда персонифицированные («Писаная скала Сулек»; «Тепсей Кичиг (Тепсей Младший)»). До сих пор горный массив Тепсей – один из наиболее крупных в среднем течении Енисея.

Темы «перехода» и знаковое обозначение культуры. Сюжеты «перехода» из мира живых в мир мертвых уже рассматривались нами в одной из прежних работ [18], но органически входят в контекст данного повествования.

Наиболее распространенная идиома древнетюркских рунических надписей, написанная от имени умершего, – «отделился» и «не насладился». По своему значению они близки, но не идентичны друг другу. То, от чего «отделился» погибший герой, составляет преимущественно его непосредственное окружение: в первую очередь, жена (княжна, принцесса или подруга) в «тереме»; затем братья и сестры, дети (чаще сын или сыновья), товарищи и дружина, т.е. люди, окружавшие его на уровне повседневного общения. Круг явлений, которыми «не насладился» герой, включает в себя и те, от которых он «отделился», но более широк и явно социологизирован. К ним относятся государство, хан или бег, дары хана, табуны лошадей, герои-сподвижники, собственные воинские деяния и доблесть, то есть в первую очередь та сумма приобретенных общественных благ, которыми гордился и обладал при жизни герой. Вместе они составляли понятие «родины»: «Я отделился, горюя, от своей земли и своей воды», т.е. от своей родины.

Непосредственно причина смерти обычно не указывается, но для героя, заслуживающего похвальной надписи-эпитафии, как и вся его жизнь, это причина героическая – гибель в бою или при защите ставки, родных и близких, как это произошло с одним из главных героев древнетюркской истории – Кюль-Тегином. Такая героическая

смерть всегда неожиданна, поэтому так отчетливо звучит в рунических надписях мотив предопределения и судьбы. «Эрклиг (верховное божество нижнего мира. – Д.С.) разлучил нас. Увы!». Неожиданно глубокая сентенция высказана в памятнике Кюль-Тегина: «Время (т.е. судьбы, сроки) распределяет Небо, (но так или иначе) сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть». То же в Гадательной книжке: «Так могущественна различная судьба каждого».

Одним из рефренов рунических надписей – эпитафий проходит мотив «печали», которую выражает как умерший по случаю своей кончины, так и его ближайшие родственники. Слово «печаль» встречается во многих рунических текстах. С наибольшей выразительностью это состояние отражено в тексте памятника Кюль-Тегина, написанном от имени его брата Могиляня: «Мой старший брат, Кюль-Тегин, скончался, я же заскорбел: зрячие очи мои словно ослепли, вещей разум мой словно отупел, (а) сам я заскорбел... Так с грустью думал я, в то время как из глаз моих лились слезы и (сильные?) вопли исходили из (глубины) сердца, я снова и снова скорбел». Краткое подтверждение того же сохранилось в китайской хронике: «Могилян с сокрушением смотрел на этот памятник». И это говорится от имени реального исторического персонажа, олицетворявшего «дикость и варварство» кочевников! Другие более скромные примеры такого же рода: «Жена его в своей печали осталась вдовой»; «Печальная вдова осталась»; «В печали мой сын...» и т.д.

Интересно упоминание о том, что после смерти знатного тюрка делалось его изображение – тул («Моя княжна в тереме сделала тул»). В данном случае явно речь идет о культе заместителей умерших, однако вряд ли можно идентифицировать этот термин (тул) с древнетюркскими каменными изваяниями [19]. Скорее имеются в виду вотивные изображения домашних предков охранителей-онгонов (типа алтайских эмегендэров).

В источниках подробно описываются дары, которые были преподнесены умершим тюркским каганам. Кюль-Тегину – «множество (букв. 10000) даров и бесчисленное (количество) золота и серебра»; Могиляню, кроме «безмерного» количества золота и серебра, прибывшие «доставили без числа своих хороших лошадей, черных соболей, голубых белок и пожертвовали покойнику». Недавние раскопки поминального комплекса Бильгекагана (Могилян) подтвердили наличие там «кладов» с приношениями вотивных золотых изделий [20]. Может быть, и в других случаях эти приношения носили вотивный характер. В то же

время говорится и о тех ценностях, которые оставляет (завещает) умерший: «Моему народу завещаю мою воинскую доблесть, мою военную добычу»; «Бег, богаты! Свободу, богатство, мое добро усиливай (увеличивай, приумножай)»; «Мудрый Таган – я, чрез твоё погребение приобрел доставшиеся дары (драгоценности) твои»; «Сын его, наследуя, остался».

Можно предположить, что перечисленное богатство – наследованное и дары умершему – составляли вместе тот общественный фонд ценностей, который был накоплен благодаря прижизненным деяниям покойного и в то же время определял отношение к нему сородичей. Чем больше благоприобретений (и, очевидно, не только материальных, но и в целом общественно полезных) сделал герой при жизни, тем большим почетом и суммой ценностей сопровождали его сородичи и все присутствовавшие при погребении. При этом, согласно теории ценностей, количество наследуемого и отправляемого, хотя бы иносказательно, должно было быть соразмерным.

В плане определения знаковых элементов культуры, показательно перечисление того, что по каким-то причинам «не взял» с собой Барс-бег, герой надписи с оз. Алтын-Кель: «Увы! Шестерых мужей с собой ты не взял (в контексте изложенного выше – убитых врагов?!). Скакуна с собой ты не взял! Трех сосудов с собой ты не взял!». Можно предположить, что в данном перечислении отражен тот минимум ценностей, который должен был «унести» покойный в потусторонний мир, как необходимое условие успешного осуществления обрядов «перехода». По существу те же компоненты представлены в древнетюркских погребально-поминальных комплексах: сопроводительные захоронения коней, жертвенные камни-балбалы («сила» убитых врагов), сосуд, изображенный на груди всех древнетюркских каменных изваяний. Вполне вероятно, что именно они – боевой конь, сила убитого врага и погребальный сосуд (кубок) – являлись самыми значимыми символами древнетюркской культурной традиции. Поэтому можно полагать, что не зря на одном из серебряных кубков с уйгурской надписью, найденном на Енисее, начертано: «Держа сверкающую чашу, я сполна (или: я, Толыт) обрел счастье» [21].

Представление о потустороннем мире, куда направлялся покойный, было довольно неопределенным. «Я оказался на голубом Небе. Герой, соединись!» (вероятно, с теми, кто умер ранее. – Д.С.). О том же: «Мой старший родственник (предок) Озат... приблизился». Или: «О горе! Я ушел в Золотую степь». Последняя фраза интересна край-

не эмоциональным и конкретным отношением к случившемуся, с одной стороны, и несколько отстраненным и неопределенным взглядом на будущее, с другой. И то, и другое, как и общий замечательно образный характер этих нескольких слов, уж очень далеки от жестоких реалий войны, акцентируемых письменными источниками.

Открытые участки местности, на которых находились стелы с надписями-эпитафиями, предполагали высокую степень грамотности тех, к кому они были обращены. Будучи написаны от первого лица, наиболее убедительные обращения умерших тюркских героев к представителям своего и будущих поколений передавали им свое видение мира, необходимого образа жизни, всей системы общественных (государственных) ценностей и т.д. Нет никакого сомнения в том, что такая меморативная память способствовала сохранению многих, в том числе и героических, традиций в культурогенезе.

Конечно, модель культуры раннесредневековых кочевников, которую можно составить по материалам древнетюркских рунических надписей-эпитафий, не является достаточно полной и ограничена определенным набором представленных в них сюжетов. Но эта «выборка» (в чем и заключается ее особая ценность) сделана самими создателями надписей и поэтому объективно отражает наиболее значимые стороны этой яркой и своеобразной культуры. В общих чертах она сближается с этнографической культурой современных скотоводческих народов Саяно-Алтая, но выглядит более жесткой, насыщенной и архаичной. Соответствующие археологические материалы – четко детерминированный комплекс погребально-поминальной обрядности, памятников изобразительного искусства и сопроводительного инвентаря – полностью отвечают этой модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. СПб.: Изд-во филол. ф-та СПбГУ, 2008. 508 с.
2. *Окладникова Е.А., Щebroва С.Я.* Военная символика древних кочевников. СПб.: Элексис, 2009. 203 с.
3. *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 557 с.
4. *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 590 с.
5. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
6. *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 114 с.
7. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 111 с.
8. *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история Евразийских степей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 324 с.
9. *Батманов И.А., Кунаа А.Ч.* Памятники древнетюркской письменности Тувы. Кызыл: Изд-во ТНИИЯЛИ, 1963–1965. Вып. I–III.
10. *Васильев Д.Д.* Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири // ТС 1975 года. М.: Наука. Гл. ред. вост. литературы, 1978. С. 92–101.
11. *Васильев Д.Д.* Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири, II. // ТС 1977 года. М.: Наука. Гл. ред. вост. литературы, 1981. С. 51–62.
12. *Бичурин (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 379 с.
13. *Грач А.Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Изд-во восточной литер., 1961. 93 с.
14. *Крадин Н.Н.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 239 с.
15. *Добжанский В.Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. 162 с.
16. *Худяков Ю.С.* Богатырская охота у средневековых тюркских nomadов // Роль nomadов в формировании культурного наследия Казахстана. Науч. чтения памяти Н.Э. Масанова. Алматы: Print-S, 2010. С. 173–180.
17. *Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В.* Енисейские кыргызы в Центральной Туве (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фундамент-Пресс, 1998. 83 с.
18. *Савинов Д.Г.* Темы «перехода» из мира живых в мир мертвых в древнетюркских рунических текстах // Жизнь. Смерть. Бессмертие. Материалы научн. конф. СПб.: ГМИР, 1993. С. 6–9.
19. *Шишло Б.П.* Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1969.
20. *Баяр Д.* Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. № 4. С. 73–83.
21. *Щербак А.М.* Древнеуйгурская надпись на серебряной чарке из могильника «Над поляной» // КСИА. М., 1968. Вып. 114. С. 31–33.